

Художник **Валентин Воробьев:**

«Мне было или уезжать, или в тюрьму» *Известия - 2008 - 1 апр. - с. 20.*

Впервые за 25 лет эмиграции из Франции в Москву приехал известный художник Валентин Воробьев, активный участник «второго русского авангарда» и один из организаторов скандальной «бульдозерной выставки». В рамках ежегодной конференции «Банные чтения» пройдет презентация книги его мемуаров «Враг народа». С Валентином Воробьевым встретилась корреспондент «Известий» **Наталья Кочеткова.**

ИЗВЕСТИЯ: Вы не были в России 25 лет. Ваши впечатления?

Валентин Воробьев: Фасады поменялись, но народ не меняется.

ИЗВЕСТИЯ: Почему не возвращались раньше?

Воробьев: Никто не звал. Я же не политический эмигрант, я просто поменял место жительства и считаю себя русским художником. Я никогда не скандалил с властями. Прятался — да, но не скандалил. У меня был знакомый прокурор республики, и он сказал: «Валь, надо сматываться — не сегодня завтра тебя посадят за спекуляцию, фарцовку или за отношения с иностранцами». Я же продавал им свои картинки. Так что мне было или в тюрьму или уезжать.

ИЗВЕСТИЯ: Спустя столько времени, как воспринимаются все эти скандальные выставки — в Тарусе, «бульдозерная», Измайловская?

Воробьев: В 1983 году мы, Шелковский, Леонов, я и Лида Мастеркова, поехали с выставкой в Германию. Они сначала пригласили советских академиков, но те попросили слишком много денег. Тогда немцы решили нас позвать. Подходит ко мне журналист Deutsche Welle и говорит: «Господин Воробьев, ну как там бульдозеры?» Я ему хотел двинуть в морду. Я же не бульдозеры привез, а картины. «Да, — говорит, — но вы же один из организаторов «бульдозерной выставки». Я говорю: «Мы художники, а не политические деятели». На Западе нас долгое время рассматривали, как политических борцов. А я все время лез, чтобы у меня картину купили, а не бульдозер.

ИЗВЕСТИЯ: Над книгой долго работали?

Воробьев: «Врага народа» я писал примерно полгода, но материалы собирал лет 40. Знакомый фотограф делал фотографии картин, друзей, я все это копил. А потом дочка подросла и сказала: «Папа, расскажи, кто ты такой». И я написал эту книжку.

ИЗВЕСТИЯ: Московская подвальная жизнь описана в книге довольно мрачно. А каким был ваш подвал?

Воробьев: В альбоме «Нонконформистъ» есть четыре роскошные фотографии моего подвала. У меня была старинная мебель: резные диваны, огромные кожаные кресла 30–40-х годов. Когда люди переехали в хрущобы, они все побросали. Мне оставили библиотеку, так там был адрес Сталина, Бухарина, их персональные телефоны. В

подвале все время роились люди. Однажды ко мне приехали немцы из Риги и вповалку спали у меня в мастерской, а потом рано утром пошли на Красную площадь на демонстрацию — их не пускали на родину. Китайцы у меня постоянно толклись. Сначала пришел один и спросил, как уехать за границу. Я говорю: «Ты можешь написать в графе национальность, что ты еврей?» Он говорит: «Могу». *(Смеется)*. «Тогда, — говорю, — завтра получишь вызов». У меня были знакомые, которые могли через голландское посольство достать вызов. И все китайцы выдали себя за евреев и уехали *(смеется)*.

ИЗВЕСТИЯ: Как изменилось общение в Париже?

Воробьев: Мы превратились в европейцев. Попасть в мастерскую к европейцу невозможно. Это секретная лаборатория, где ты делаешь картинку, их надо продать, и запустить своего коллегу нет никакого смысла — он или украдет, или выдаст. Сами подумайте, как общаться, если я зарабатываю 100 000 в месяц, а другой — 10 000? Он мне завидует, я не могу с ним поделиться. У меня был приятель, друг Шагала, Гриша Мишонц. Он с Шагалом приехал в одном поезде с пустыми чемоданами. Шагал сразу получил заказ от издателя Воллара иллюстрировать Библию и Гоголя, а Гриша ничего не получил. Когда Шагал разбогател, он проезжал мимо на «Мерседесе» и даже никогда не здоровался. Дружбы в советском понимании, колхоза художников — этого уже на Западе нет.

ИЗВЕСТИЯ: Каким вам запомнился Хвостенко?

Воробьев: Всегда пьяный, *(грустнеет)* брэнчал на гитаре, писал замечательные стихи, потом бросил. Он типичный образец богемного артиста. Причем западного образца — на все наплевать, анархизм и артистизм связаны вместе. Он считал, что все общество делится на жлобов и гениев. Я говорю: «Ты кто?» Он отвечает: «Конечно, гений». В 1975 году он начал рисовать. В это время в Лондоне была какая-то ярмарка, и он привез туда рулон своих картинок. Как обычно, он был в рваном свитере, весь в соломе, в джинсах. Ночевал, кажется, под мостом, потому что на отел денег не было. Пришел к галерейщику Миро, который выставлял русских, развернул холсты. Галерейщик смотрит и говорит: «Хорошо, хорошо, а сколько стоит?» Хвостенко назвал цену — 1000 долларов за каждый. Миро почесал в затылке и спросил: «А зачем вам такие деньги? Я вижу, что вы ни в чем не нуждаетесь. У вас все есть — свитер, джинсы». И ничего не заплатил. Точно в таком же свитере я его впервые увидел в 1961 году на выставке в Тарусе. Он с Енгиным пришел из Питера пешком, добрался автостопом — тогда это было модно. Спали в стог сена. Только тогда он считался битником.